

Е. А. Великанова
Петрозаводск

DOI: 10.15393/j9.art.2011.331

**ЕВАНГЕЛЬСКИЙ ТЕКСТ В ФАНТАСТИЧЕСКИХ
ПОВЕСТЯХ В. П. КРАПИВИНА
(ЦИКЛ «В ГЛУБИНЕ ВЕЛИКОГО КРИСТАЛЛА»)**

Говоря о фантастических произведениях Крапивина, нельзя не признать, что за привычным «вооружением» фантастики — космическими путешествиями, инопланетными существами, смертельными опасностями, невероятными приключениями юных героев — открываются проблемы, одинаково острые и для взрослого читателя, и для подростка. Военная угроза, кризис семьи, социальная незащищенность ребенка, отсутствие нравственных ориентиров — такова реальность сегодняшнего дня, и сильнее всего эти «взрослые» проблемы отражаются на жизни младшего поколения.

К взрослому миру обращен призыв Крапивина обратить внимание на бедственное положение детства, а вместе с юным читателем писатель ищет ответы на сложнейшие вопросы, которые, несмотря на то что они существуют извечно, по-новому ставит современность. Говоря о любви и дружбе, доверии и взаимовыручке, нравственном долге и справедливости, автор все чаще раскрывает читателю своих произведений новый — христианский — смысл, обращенный как к ребенку, так и ко взрослому.

Религиозные искания Крапивина породили в 1996—1998 годы полемику на страницах художественно-публи-

цистического альманаха «Та сторона». По мнению В. Каплана, открывшего дискуссию, «в своих книгах он (Крапивин. — Е. В.), часто сам о том не зная, ставит глубокие религиозные вопросы, показывает глубину верующей души...»¹ Оппоненты, например М. Веретенников, задавались вопросом: «Зачем нужно представлять книги Крапивина чуть ли не подпольным Евангелием, неким учебником по христианству?»², а самые яростные, такие как Сева Глущенко (скрывший себя под именем крапивинского героя), пытались возвести созданную писателем фантастическую теорию Великого Кристалла в ранг самостоятельной религиозной доктрины.

Несмотря на то что вопрос о религиозных взглядах писателя взволновал читателей, Владислав Крапивин долгое время предпочитал воздерживаться от комментариев. В недавней работе «Струна и люстра» (2006) с подзаголовком «Мысли и заметки о ребячьих отрядах» писатель дает однозначный ответ на интересующий вопрос:

Я человек верующий, крещен в православной традиции и отношусь к православию с величайшим уважением³.

И добавляет:

Еще в давние, семидесятые годы я пересказывал ребятам истории из Нового Завета (немало рискуя при этом) и давал своим юным капитанам читать Библию⁴.

Владислав Крапивин, как и прежде, далек от нравоучительства:

Некоторые ревностно религиозные читатели моих книг, бывало, упрекали меня в излишне свободной (по их мнению) и спорной трактовке православных догм. Но я всегда старался в своих суждениях исходить из интересов детей. И помнил слова Спасителя: «Будьте, как дети»⁵.

¹ Каплан В. Религиозные мотивы в творчестве Владислава Крапивина // Та сторона. 1996. Вып. 10. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.rusf.ru/vk/recen/1995/kaplan01.htm>

² Веретенников М. «Крапивин и религия» — продолжение темы // Та сторона. 1998. Вып. 13. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.rusf.ru/tc/tc13/13mnen03.htm>

³ Крапивин В. П. Струна и люстра // Струна и люстра. М., 2007. С. 448.

⁴ Там же. С. 448.

⁵ Там же. С. 451.

Владислав Крапивин как никто другой имеет право так заявлять — это подтверждает его многолетний опыт работы с детьми и особый талант видеть мир глазами ребенка. Писателя интересует именно детское, часто близкое народному, но тем не менее современное восприятие христианского учения, поэтому христианские образы и мотивы в его творчестве раскрываются с разных сторон: сказочной, научно-фантастической, психологической.

Русская литература никогда не существовала в отрыве от православной традиции — это очевидный для исследователей факт. Как подчеркивает В. Н. Захаров, даже «советская литература обнаружила глубокую связь с предшествующей традицией, назвав многое из христианского идеала общечеловеческими гуманистическими ценностями»⁶. Владислава Крапивина, ставшего известным в советскую эпоху благодаря своим «пионерским» повестям, нельзя упрекнуть в перемене нравственных ориентиров. Напротив, как уверяет Р. Арбитман, Крапивин и теперь «словно не замечает, что “пионерский” энтузиазм давно архаичен, что реальный сегодняшний подросток уже ничем не напоминает холодновато-безупречного “мальчика со шпагой”, а извечная тяга к справедливости, свойственная молодому поколению, потихоньку используется разного рода “гуру” возрастом постарше...»⁷ Отвечая Р. Арбитману, Крапивин пишет:

К счастью, существуют еще обычные мальчишки и девочки, для которых «пионерская экзальтация» (то есть нормальные человеческие отношения: бескорыстная дружба, верность слову, стремление защитить слабого, вступить за правду — а отнюдь не пропаганда большевистских лозунгов) еще, вопреки утверждению критика, не стала архаикой⁸.

Другой непримиримый оппонент Крапивина А. Разумихин так определяет установленное писателем «правило»:

⁶ Захаров В. Н. Русская литература и христианство // Евангельский текст в русской литературе XVIII—XX веков: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: Сб. науч. тр. Петрозаводск, 1994. С. 11.

⁷ Арбитман Р. Слезинка замученного взрослого // Детская литература. 1993. № 12. С. 8.

⁸ Крапивин В. Пионерско-готический роман, тинэйджеры и «обескураживающие повторы» // Уральский следопыт. 1994. № 8. С. 60.

...всегда и во всем (когда речь идет о любимых им героях) должны торжествовать справедливость и брать верх добродетель. А сами герои — непременно являть образец возвышенности и благородства⁹.

Если отбросить ироничный тон, сказанное А. Разумихиным отражает действительность. По мысли Л. Н. Колесовой, «для юного читателя герой-подросток В. Крапивина становится своеобразным эталоном нравственной красоты»¹⁰. Высокий нравственный идеал, который отличает книги Крапивина на всех этапах творческого пути, — важнейшая черта, характеризующая лучшие произведения литературы для детей и юношества. Он созвучен и христианскому идеалу, и народному идеалу сказки.

«Крапивинский календарь» (2006—2007) — летопись жизни и творчества писателя — открывается датой рождения Владислава Крапивина, 14 октября 1938 года. «Семейная легенда утверждает, что в этот день — Праздник Покрова Пресвятой Богородицы — в Знаменской церкви рядом с роддомом звонили колокола, и выпал первый в том году снег»¹¹ — такова первая запись писателя. Для понимания художественного мира Крапивина значение сохранившейся семейной «легенды» неслучайно и ценно — образ матери, сливающийся с ликом Богородицы, занимает важное место в произведениях писателя. Отношения матери и ребенка — лейтмотив фантастических повестей Крапивина из цикла «В глубине Великого Кристалла» (1988—1993).

Всевозможные семейные коллизии сопровождают юных героев повестей. Многие из них потеряли родителей, у других нет взаимопонимания в семье, третьи неспособны принять приемного отца или мать, а кто-то, наоборот, мечтает быть усыновленным. Двенадцатилетнему Павлику, герою повести «Выстрел с монитора» (1988), открывающей цикл, трудно смириться с тем, что новая папина жена может

⁹ Разумихин А. Правило без исключений, или Прозрачная злость и интеллигентные мальчишки Владислава Крапивина // Урал. 1982. № 8. С. 150—151.

¹⁰ Колесова Л. Н. Нравственные искания в современной прозе для детей: Учеб. пособие. Петрозаводск, 1987. С. 30.

¹¹ Крапивин В. П. Крапивинский календарь // Струна и люстра. С. 457.

заменить умершую маму для него и младшей сестренки. Сироты из повести «Гуси-гуси, га-га-га...» (1989) верят, что на волшебных Лугах каждый ребенок встретит семью — женщину, мужчину и детей, которые позовут жить с собой. Женщина скажет ребенку: «Я буду твоя мама...», и тогда «он как побежит, как обнимет ее...»¹² В повести «Застава на Якорном поле» (1989) мальчик не верит в смерть матери и, несмотря ни на что, пытается найти ее.

Для маленького князя Юр-Танка из средневекового мира, одного из героев повестей о Кристалле, образок Богоматери с Младенцем, который он носит на груди, служит напоминанием о своей давно умершей маме. Юный князь заступил на княжение после смерти отца и прекратил многолетнюю кровопролитную войну. В знак заключения мира бывшие враги построили «Церковь Матери Всех Живущих... Мать была у каждого, хоть он христианин, хоть язычник... Говорят, кто в эту церковь приходит, будто на какое-то время со своей матерью встречается»¹³. «Мать Всех Живущих» у Крапивина — это уже не мифическая прародительница мира и человечества, какой она воспринималась в дохристианские времена, но и не Богородица, это близкий каждому образ родной матери, испытывающей безграничную любовь, заботу и страх за свое дитя:

«Чадо! Что ты сделал с нами! Вот, твой отец и я с великой скорбью искали тебя!» — через многие века летит к нам этот вскрик Матери, в котором и горечь упрека, и великое облегчение оттого, что вот, он нашелся все-таки, жив, цел... Ведь три дня искали, когда заметили, что нет его среди тех, кто возвращался в свой город с праздника. Мальчик сказал тогда, что не надо было искать. Могли бы, мол, сразу догадаться, что он там, где ему следует быть, — в доме Отца своего Небесного. Говорят, это было предчувствием и пониманием своего предназначения. А может быть, еще и попыткой скрыть за мальчишеской ершистостью смущение и виноватость перед мамой?.. Двенадцатый год — велик ли возраст-то!¹⁴

¹² *Он же.* Гуси-гуси, га-га-га... Повесть // В ночь большого прилива. М., 2006. С. 373.

¹³ *Он же.* Крик петуха. Повесть // Сказки о рыбаках и рыбках. М., 2006. С. 130.

¹⁴ *Он же.* Лоцман. Хроника неоконченного путешествия // Синий треугольник. М., 2006. С. 182—183.

Евангельский сюжет, как мы видим, толкуется писателем в бытовом психологическом плане, но цель, которую стремится достигнуть Крапивин, — воспитание в маленьком читателе человечности, добра, бережного отношения к близким — естественным образом приводит к постижению христианских истин.

Присутствие образов-символов, несущих в себе и память христианского мироощущения, и отпечаток «народной веры», фольклорно-сказочный взгляд — особенность фантастических произведений Крапивина.

...Русская сказка, оказывая порой пусть и не заметное, но постоянное воздействие на весь путь русской литературы, служила своеобразным каналом, по которому евангельские идеи и образы, трансформированные в духе «народной веры», проникали уже на уровне жанровых структур в мир профессионального творчества¹⁵.

Прежде всего это относится к литературной сказке, теснее других жанров связанной со сказкой народной, кроме того, как подчеркивает Е. М. Неёлов, «фольклорно-сказочная трансформация евангельских идей и образов... незримо присутствует и в тех литературных жанрах, где сказочность жанрово закреплена, то есть в жанрах фантастических, проникая тем самым и в область современной массовой литературы»¹⁶.

В фантастических повестях о Великом Кристалле Владислава Крапивина наше внимание привлекли традиционные для христианской культуры символы: рыба и петух. Как известно, «самым распространенным из символов Спасителя было изображение *рыбы* (курсив наш. — Е. В.). Аббревиатура греческой фразы $\text{Ιησους Χριστος, Θεου Υιος, Σωτηρ}$ (Иисус Христос, Сын Божий, Спаситель) — складывается в слово Ιχθυς , которое означает „рыба“»¹⁷. Одна из

¹⁵ *Неёлов Е. М.* От волшебной сказки к литературе: фольклорная трансформация евангельской традиции в учении Н. Ф. Федорова о воскресении // Евангельский текст в русской литературе XVIII—XX веков: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: Сб. науч. тр. Петрозаводск, 1994. С. 273.

¹⁶ Там же. С. 273.

¹⁷ *Алексеев С. В.* Энциклопедия православной иконы. Основы богословия иконы. СПб., 2007. С. 79.

повестей Крапивина носит название «Сказки о рыбаках и рыбках» (1991). Очевидно не только обращение автора к евангельскому сюжету, но и напоминание о пушкинской «Сказке о рыбаке и рыбке» — на страницах повести герои признаются, что «на многих гранях Великого Кристалла известны были творения Пушкина»¹⁸. Тем не менее, как пишет Е. М. Неёлов, народно-евангельская традиция «определяет содержание не только фольклорных, но и пушкинских сказок»¹⁹.

Герой повести Крапивина художник Валентин Волюнов, проходя по старинным улицам города, однажды «свернул наугад — на дорожку за переделанной под керосиновую лавку часоушкой... и оказался в незнакомом ему до сей поры переулке... Вот здесь-то Валентин и увидел Маленького Рыболова. У осевшего в лопухи бревенчатого дома была под мятой водосточной трубой врыта бочка... Над краем бочки, на самодельной лавочке из кирпичей и доски, сидел мальчонка лет восьми... Он рыбачил — держал в руках короткую удочку, и леска от нее уходила в бочку... И на лице, и в позе мальчика была такая сосредоточенность, такая готовность вот-вот выудить из дождевой бочки настоящую рыбку, что смеяться над ним — не вслух, а даже про себя — было грешно»²⁰. К удивлению Валентина, рядом с бочкой «в одуванчиках стояла трехлитровая банка, в ней плавало несколько окунчат и ершиков... Чудеса! Валентин заглянул в бочку. Воды было почти доверху. Солнце просвечивало ее до дна, там блестели две пивные пробки. И больше ничего не было — только мальчишкины ноги, которые в воде казались зеленоватыми»²¹.

Часоушка, которая указывает герою путь, Маленький Рыбак, чудесное появление рыбы в дождевой воде — налицо обращение писателя к христианской символике, отра-

¹⁸ Крапивин В. П. Сказки о рыбаках и рыбках. Повесть // Сказки о рыбаках и рыбках. М., 2006. С. 518.

¹⁹ Неёлов Е. М. О жанровом содержании «Сказки о царе Салтане» А. С. Пушкина // Евангельский текст в русской литературе XVIII—XX веков: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: Сб. науч. тр. Вып. 3. Петрозаводск, 2001. С. 150.

²⁰ Крапивин В. П. Сказки о рыбаках и рыбках. С. 385—386.

²¹ Там же. С. 387.

женной в сюжетах Евангелия: кроме призвания будущих «ловцов человеков», апостолов Симона, Петра и Андрея, бывших рыболовами, достаточно вспомнить насыщение народа в пустыне несколькими хлебами и рыбой и чудесный улов по слову Спасителя. Любопытно проследить фольклорно-сказочную трансформацию образа мальчика-рыболова — оказывается, он хочет выловить в бочке «ту самую» щуку, «которая “по щучьему велению”»²², а мелких рыбешек отпускает. «Если это и было игрой — щука и так далее — то игрой с каким-то серьезным, неведомым Валентину смыслом», — подчеркивает автор чудесное значение происходящего²³. Можно понять, что для взрослого Валентина увиденное чудо имеет христианское значение, хотя он и затрудняется его интерпретировать, в то время как для Маленького Рыбака — это продолжение сказки. Взрослый герой не находит ничего лучше, чем в шутку посоветовать Маленькому Рыбаку:

Щука для такой бочки все-таки великовата. А вот золотая рыбка — в самый раз, она ведь тоже годится для желаний...²⁴

Мальчик обрадовался и удивился — как он сам не догадался! «Только ведь золотых рыбок сетями ловят...» — напомнил Валентин.

«Я знаю! У деда авоська есть, тонкая такая, шелковая. На обруч натяну — будет сачок. Тут ведь большая сеть не нужна!»²⁵ — решил мальчик.

Сказка Пушкина, народная сказка и евангельский сюжет, сплетаясь, становятся источниками для завязки действия современного фантастического произведения. Владислав Крапивин рассказал о встрече героя с Маленьким Рыбаком во «Вступлении», создавая ореол чудесного всей повести.

...Ни разу потом не встретил Валентин этого мальчика. Мало того, не мог он отыскать даже этот дом с бочкой под водосточной трубой. Тропинка от часоушки приводила то на заброшенный стадион, то на Водопроводную улицу. Да и сама

²² Там же. С. 389.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 390.

часовенка при ближайшем рассмотрении оказалась отключенной трансформаторной будкой²⁶.

Загадочный Маленький Рыбак через несколько лет снова появился в жизни Валентина — почти не повзрослевшим подростком, или, как называет его Валентин, «отроком».

— Ну скажи тогда, отрок... поймал ты в тот раз золотую рыбку? — Поймал... — почему-то невесело отозвался Юрик. — Дождался, когда солнечный блик зажегся, и вытащил сеткой... — Ну и... выполнила она желание? Еще тише Юрик проговорил: — Такая рыбка... она ведь не как в сказке... чтобы желание исполнилось, надо ее... сжать в кулаке. До смерти... А она живая, не мог я²⁷.

Неспособность причинить боль слабому, лишит жизни чудесное существо ради исполнения своей прихоти — трудноразрешимая нравственная проблема, которая отзывается в сердце маленького читателя, характеризуя героя и создавая новый психологический ракурс.

Золотинка — не просто рыбка, ей даже не нужно постоянно находиться в воде — достаточно завернуть ее во влажную тряпочку и можно носить с собой. И все-таки Юрик, он же верховный князь Юр-Танка, вынужден попросить рыбку об исполнении желания, когда на его глазах убивают из арбалета маленького трубача Юкки. «Хочу, чтобы он был живой!»²⁸ — загадывает Юр-Танка. «Жми! Для того я на свете...» — отвечает Золотинка.

Он стиснул влажную тряпицу со всей силой отчаяния. Ощутил, как в ткани хрустнули крошечные косточки... И сразу исчезло кровавое пятно вокруг черной дырки на груди у Юкки. И само отверстие закрылось, заросло красным бугорком. Юкки прикрыл стеклянные глаза, поморщился, опять поднял веки. Глянул уже осмысленно, шевельнул губами, попытался сесть...²⁹

«Оживление — важнейшая функция чудесного предмета в сказке»³⁰, — пишет Е. М. Неёлов. По классификации

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 500.

²⁸ Там же. С. 514.

²⁹ Там же.

³⁰ Неёлов Е. М. Волшебные-сказочные корни научной фантастики. Л., 1986. С. 125.

В. Я. Проппа, рыбку Золотинку можно считать сказочным «чудесным предметом». Как подчеркивает Е. М. Неёлов, «сказочным “чудесным предметом” в научной фантастике аналогичны “умные предметы”, т. е. разнообразная фантастическая техника»³¹. Рыбка из повести Крапивина называется не столько живым существом, сколько техническим приспособлением для исполнения желаний, а общение с ней —

...это и не разговор, а как бы... ну, мысленный обмен информацией. Ведь, по сути дела, что такое рыбка? Это колоссальный накопитель энергии, который моментально отзывается на заданную программу. В нем все готово, чтобы программа возникла от человеческого желания и сразу исполнилась... И, конечно, информация там заложена, много всякой... На молекулярном уровне³².

Оживление героя, как и в сказке, «связано с оппозицией жизни и смерти, оно легко интерпретируется как смерть и воскрешение»³³, обращая нас к Евангелию. Рыбка — символ Спасителя — возвращает жизнь убитому ребенку. Но ее смерть мучает Юр-Танку:

Была живая, а пришлось погубить... — Но не было же другого выхода! — Конечно, — кивнул Юр-Танка. — Только все равно жалко... И главное, она знала заранее. И ей было больно... наверно...³⁴

Другой традиционный христианский символ, выражающий идею воскресения — это петух, «который своим криком пробуждает от сна»³⁵. Образ петуха в повести Владислава Крапивина «Крик петуха» (1989) близок традиционному сказочному — об этом говорит его золотистая окраска — перья «отливали всеми оттенками меди, латуни и даже червонного золота»³⁶. Однажды петух издал «орлиный клич», взлетел и исчез — оказалось, петух способен посещать сопредельные фантастические пространства.

³¹ Там же. С. 132.

³² Крапивин В. П. Сказки о рыбаках и рыбках. С. 515.

³³ Неёлов Е. М. Волшебные-сказочные корни научной фантастики. С. 125.

³⁴ Крапивин В. П. Сказки о рыбаках и рыбках. С. 521.

³⁵ Алексеев С. В. Энциклопедия православной иконы. С. 81.

³⁶ Крапивин В. П. Крик петуха. С. 10.

В этом убедился третьеклассник Филя Кукушкин — как в сказке, где герой путешествует на орле, однажды Филя ухватился за лапы петуха и улетел вместе с ним «через пространственный барьер». Как подчеркивает Е. М. Неёлов, «мгновенное или внепространственное перемещение может рассматриваться как смерть и оживление: смерть в одном месте и оживление в другом»³⁷. Таким образом, можно говорить о том, что золотой петух в повести Крапивина, так же как чудесная рыбка, служит преодолению смерти — такова его функция, унаследованная из народной сказки. По словам Е. Трубецкого, в волшебной сказке «чрезвычайно много сродного христианству... русские сказочные образы как-то совершенно незаметно и естественно воспринимают в себя христианский смысл»³⁸.

Чудесный золотисто-рыжий петух криком спасает героя от выстрела, напоминая золотого петушка, предупреждавшего об опасности, из «Сказки о золотом петушке» Пушкина. Фантастический петух из повести Крапивина погибает, и его бывший хозяин Филя просит у знакомого священника разрешения поставить в церкви свечку.

Это... ну как прощание. А то закопали — и будто не было... Ну, можно свечку зажечь? — А почему же в церкви-то обязательно? — А где? На улице? Задует же... — Грехи наши... — сказал отец Дмитрий. — Пошли...

Они остановились у стены. Желтоватое пятно от фонарика разошлось по портрету печальной такой, большеглазой теньки с мальчиком на руках. Как на образке, что носит Юр-Танка. Картина эта, украшенная чеканным металлом, висела в обрамлении белокаменной старинной резьбы... и здесь, между каменных веток, завитков и соцветий, был вплетен в орнамент задорный, с растопыренными крыльями и раскрытым клювом петушок³⁹.

Чуткий художник, Крапивин находит наиболее емкие символы-образы для выражения своих идей — близкие ребенку, знакомые по народным и пушкинским сказкам,

³⁷ Неёлов Е. М. Волшебнo-сказочные корни научной фантастики. С. 126.

³⁸ Трубецкой Е. «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке // Литературная учеба. 1990. № 2. С. 144.

³⁹ Крапивин В. П. Крик петуха. С. 174.

они приоткрывают новый, еще не осознанно религиозный, но близкий к вере взгляд. Психологизм книг Крапивина, тонкое знание писателем детской души, рождает искренний отклик маленького читателя. Вместе с ребенком Крапивин ищет ответы на главные вопросы:

Вот вы спросили: «Веришь ли ты в Бога», — говорит Вольнову маленький князь Юр-Танка — ...Ну конечно! По-моему, в душе каждый человек верует, хотя бы капельку... Одни меньше, другие больше. А чтобы верить полностью... Ну нет, полностью — это можно, это сколько угодно. Но... я не знаю, как сказать...⁴⁰

Обращение к евангельским символам, мотивам, сюжетам — иногда сознательное, иногда интуитивное — придает фантастическим произведениям Крапивина глубину и заставляет читателей, независимо от возраста, снова и снова возвращаться к ним, перечитывать, находить в них поддержку.

⁴⁰ Он же. Сказки о рыбаках и рыбках. С. 519.